

Царицынское пожарище

(Письмо с Волги)

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М.: Худ. литература, 1971. С. 133 - 136.

Подъезжаем к Царицыну по Юго-Западной железной дороге. В вагоне только и разговору, что о недавнем пожаре. Более всех, по-видимому, осведомленным оказывается пожилой господин с приятным загорелым лицом и с неторопливой, сдержанной речью, сильно отдающей поволжским оканьем. При дальнейшей беседе выясняется, что он лесопромышленник -- из средних по годовому обороту -- и тоже потерпел от огня.

-- Вот теперь во всех газетах пишут о нашем пожаре. А ведь если сказать по правде, так мы, почитай, две недели горим, не переставая. Каждый день горим. Залетит искра куда-нибудь в сложенную клеть и тлеет там бог знает сколько времени. А потом вдруг и пойдет польхатать.

-- Вам известно, как начался пожар? -- спрашивается кто-то из слушателей.

-- Трудно сказать. Вернее всего, заронил кто-нибудь огонь по нечаянности. Знаю только, что занялось сначала на берегу, а потом огонь перебросился на беляну, груженную лесом. Беляна эта была купца Соплякова, и лесу на ней было навалено -- как бы вам сказать? -- пудов тысяч на четыреста или пятьсот. Дерево сухое, вспыхнуло, как бумага,-- можете себе представить, какой костер получился! Через несколько минут перегорели канаты (у нас на лесных судах канаты большей частью мочальные), и беляну понесло течением вниз. А внизу у этого же берега стояли другие белянки и баржи, тоже с лесом, купцов Максимова, Захарова и прочих. Когда владельцы увидели, что на них несется такое пожарище, то уж сами приказали у своих судов рубить канаты: рассчитывали, что снесет их лес вниз раньше, чем подойдет горящая беляна. Так оно бы и вышло, да случилась беда. Ветер в эту ночь был не вдоль реки, а поперек и прибил все суда, одно за другим, к Ельцинской мелье. (Эта мель всегда образовывается на правом берегу от илу и песку, который наносится весной из узкой, но бурливой Ельнинской балки.) Туда же прибило и беляну Соплякова. Все суда загорелись почти одновременно. Такая сила была огня, что в городе стало светло, точно днем.

А тут случилось и еще несчастье. Беляны, по мере того как горели, становились все легче и легче, подымались из воды все выше, и одна за другой, благодаря течению, стали переваливать через мель. Перевалили и пошли о берег толкаться... Весь берег запылал. Все лесные пристани, склады, лесопилки, беляны, баржи, расшивы -- все затрещало. А беляны плывут да плывут по течению, и ветром их около берега трет. Село Елынанское загорелось, за ним Купоросное. Оба выгорели, что называется, дотла. В Ельцинском только церковь и сохранилась, а в Купоросном школа. Мы так уж и решили, что от самого Царицына ничего не останется. Потому что как этакая штука горит,-- ведь в беляне-то лесу больше чем на полтысячи вагонов,-- то от нее и в ста саженьях не убережешься. Однако, батюшки, господь небесный смилостивился... Пронесло мимо.

Рассказчик снял шапку и истово, с глубоким вздохом перекрестился. Потом вынул из шапки платок и медленно вытер лицо.

-- Пишут, что убытку около десяти миллионов,-- сказал я.

-- Точно сказать невозможно-с. Мы так считаем, что миллионов на тринадцать набежит. Да ведь какие убытки-то! По миллиону и больше. О таких потерях, какую я, например, понес, даже и упоминать совестно.

-- Значит, и вы тоже пострадали?

-- Ну, моя беда пустяки: десять -- двенадцать тысяч. Сравнительно с другими говорить не стоит. Вот Максимов больше чем на полтора миллиона потерял. А застрахован у него был один только лесопильный завод, в ста сорока шести тысячах.

-- Почему же не был застрахован лес?

-- Леса у нас ни одно общество не принимает. Да и невозможно-с. Как подъедем к Царицыну, вы сами увидите, что у нас на пристани творится. Клеть возле клетки стоят так тесно, что насилу пролезешь, а между ними древесный сор, кора, мочалка. И тут же увидите, пьяный валяется, и трубка у него в зубах.